

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: BJARNE MELKEVIK.
EPISTÉMOLOGIE JURIDIQUE ET DÉJÀ-DROIT. PARIS:
BUENOS BOOKS INTERNATIONAL, 2014. 121 P.

Настоящая работа представляет собой рецензию на книгу канадского философа права Бьярна Мелкевика «Юридическая эпистемология и уже-право». В рецензии анализируются основные моменты работы, а также философская позиция автора, на основе которой он выступает против господствующих в современной философско-правовой мысли идеологий и дискурсов, прикрываемых формально-догматическими категориями и схемами традиционной юриспруденции. По мнению Б. Мелкевика, результатом такого «искаженного сознания» оказывается неспособность правоведов осмыслить и объяснить фактическое бытие права, которое по сути заключается в коммуникации между людьми по поводу способов регламентации взаимного поведения и способов разрешения возникающих конфликтов. Профессор Мелкевик убежден, что сущность права вскрывается только в конкретных жизненных ситуациях, в рассказах людей, в отдельных договорах, актах, судебных решениях. Вне этих конкретных контекстов слово «право» является пустым референтом, который отсылает только к абстрактным философским схемам. По мнению автора рецензии, в книге Б. Мелкевика гармонично сочетаются идеи, почерпнутые мыслителем в западноевропейском философском и юридическом дискурсе, и ключевые концепции англо-американских авторов (особенно школы критических правовых исследований). Слабым местом концепции канадского мыслителя автор рецензии считает то, что проф. Мелкевик недостаточно обосновывает свой тезис об имманентности «справедливого и честного» в юридическом опыте людей. В качестве сильного момента рассматриваемой книги автор рецензии рассматривает последовательность и решительность выводов концепции Б. Мелкевика. Если право может быть описано через категорию коммуникации (общения), то отказ от культа абстрактных понятий и фокусирование внимания на межличностном общении выглядят вполне оправданно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Бьярн Мелкевик, эпистемология права, философия права, справедливость, коммуникация.

BOOK REVIEW: BJARNE MELKEVIK. EPISTÉMOLOGIE JURIDIQUE ET DÉJÀ-DROIT. PARIS: BUENOS BOOKS INTERNATIONAL, 2014. 121 P.

This paper reviews the book “Legal Epistemology and Already-Law” of the Canadian legal philosopher Bjarne Melkevik. This review analyses the most important ideas of this book, as well as the philosophical standpoint from which professor Melkevik opposes the dominant ideologies and discourses of the contemporary legal philosophy covered by dogmatic and formal categories and schemes of the traditional jurisprudence. In Professor Melkevik’s opinion, this “perverted consciousness” of lawyers results in their inability to comprehend and explain the factual existence of law which is basically represented in human communication about regulation of their mutual behavior and conflict resolution. Professor Melkevik believes that the essence of law is revealed only in specific existential situations, in stories of people, in particular contracts, acts, and judicial decisions. Taken out of the framework of

these existential contexts, the word “law” turns out to be merely an empty entity which refers only to abstract philosophical schemes. In the opinion of the review’s author, the book of professor Melkevik successfully combines the ideas of the European philosophical and legal traditions with some key conceptions of the Anglo-American authors (especially, the School of Critical Legal Studies). The author of the review considers the fact that professor Melkevik insufficiently demonstrates the immanent character of the “just and fair” in the legal experience of human beings to be a weak point in professor Melkevik’s book. Coherence and audacity of professor Melkevik’s conclusions constitute, however, a strong point of his book. If law can be described through the category of communication, then abandoning abstract notions and focusing on interpersonal communication seems to be consistent.

KEYWORDS: Bjarne Melkevik, epistemology of law, philosophy of law, justice, communication.

Канадский философ права, профессор Квебекского университета им. Лавалея Бьярн Мелкевик уже знаком российскому читателю по публикации переводов его статей на русский язык,¹ по рецензиям на некоторые его книги.² Позиция мыслителя, находящаяся на перепутье между школой критических правовых исследований и коммуникативной философией права, с недавнего времени приобрела сторонников, — или, по меньшей мере, заинтересованных читателей, — и среди российских правоведов.³

Для работ канадского мыслителя характерен критицизм по отношению к устоявшимся истинам юриспруденции. Точнее, он выступает против господствующих в современной философско-правовой мысли идеологий и дискурсов, прикрываемых формально-догматическими категориями и схемами. Результатом такого «искаженного сознания» оказывается неспособность правоведов осмыслить и объяснить фактическое бытие права, которое, по мнению автора, заключается в коммуникации между людьми по поводу способов регламентации взаимного поведения и способов разрешения возникающих конфликтов. Вместо того чтобы раскрывать эту экзистенциальную и интересубъективную реальность, юристы предпочитают описывать право как нечто аксиоматически данное, независимое от участвующих в правовой коммуникации субъектов. В прошлом это приводило к гипостазированию права как веления божества или природы, приказа суверена или социально-

¹ См., в частности: *Мелкевик Б.* 1) *Философия права в потоке современности // Российский ежегодник теории права.* 2008. № 1. С. 527–545; 2) *Марксистская интерпретация Мориса Ориу // Философия права в России: история и современность. Мат-лы Третьих философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский.* М., 2009. С. 273–297; 3) *Почему стоит изучать философию права? // Юриспруденция в поисках идентичности. Сб. статей, переводов, рефератов.* Самара, 2010. С. 231–241; 4) *Новый Гражданский кодекс Квебека и права человека: новая парадигма // Правоведение.* 2012. № 2. С. 67–78; 5) *Говорите на языке «нового нарратива о праве», или О том, как политкорректность «юридически» узаконивает себя // Там же.* № 6. С. 37–56; 6) *Ответственность перед лицом смерти. Дело Сью Родригес, рассмотренное Верховным Судом Канады // Там же.* 2013. № 2. С. 161–171.

² *Антонов М. В.* 1) *Библиография [Рецензия на книгу Б. Мелкевика «Случай Пашуканиса»] // Российский ежегодник теории права.* 2009. № 2. С. 726–737; 2) *Философия права Бьярна Мелкевика // Правоведение.* 2012. № 3. С. 260–268.

³ См., напр.: *Пермяков Ю. Е.* *Правопонимание как самоопределение исторического субъекта // Право Украины.* 2010. № 4. С. 56–64; *Маркин А. В.* *Монополия на право и на его понимание // NB: Вопросы права и политики.* 2012. № 1. С. 107–125.

го факта; в современной либеральной философии права право понимается как свобода, справедливость, права человека и прочие сущности, которым приписывается сверхиндивидуальное и универсальное значение. Юристы уверены в том, что право есть субстанция, существующая где-то помимо людей и их общения, которая только и ждет исследователя, готового открыть и описать ее: «Речь идет о сознательном конструировании образа предмета права как чего-то такого, что “узнается”, “познается” или “выявляется” научным экспериментом» (р. 21). За счет такого переноса права из жизненного мира человека в мир абстрактных схем «право становится исключительной сферой для тех, кто обладает знанием, кто познает, кто занимается наукой» (Ibid). Подобные «разговоры от имени права на сегодняшний момент имеют почти религиозное значение, и люди цепляются за него, как утопающие за спасательный круг».⁴ В нарративе о правах человека, балансировке правовых принципов и иных дискурсах юристы мечтают найти окончательный ответ на большую часть проблем социального устройства.

Профессор Мелкевик убежден в обратном: сущность права — т. е. той реальности, которую мы обозначаем этим словом, — вскрывается только в конкретных жизненных ситуациях, в рассказах людей, в отдельных договорах, актах, судебных решениях. Вне этих конкретных контекстов слово «право» является пустым референтом, который отсылает только к абстрактным философским схемам. Здесь заметен другой краеугольный камень концепции Б. Мелкевика — онтологизм, под которым понимается первичность опыта включенности, коммуникации и участия как необходимого условия возникновения философско-правовой рефлексии.⁵ Понятия, схемы, иные интеллектуальные конструкции — все это вторично по отношению к такому опыту: они не имеют собственного бытия и служат лишь для «отражения» данного опыта. Конечно, патетическая критика со стороны канадского правоведа копируется в известную еще со времен Платона философскую проблему: каким образом мы можем говорить о некоей сущности, априорно не моделируя ее абстрактный образ («идею», «энтелехию» и проч.)? Так и с правом: чтобы познать и объяснить нечто в качестве «права», нам, видимо, необходимо определить, каковы сущностные признаки этого понятия. А если так, то сторонники правового реализма различных мастей, призывающие к изучению права «таким, каково оно есть», попадают в порочный круг: поиску «реального права» предшествует понятийная операция выделения абстрактных признаков «права» («реального» или наделенного иными эпитетами, но все же абстрактного, как и любое другое понятие).

Этой центральной проблеме юридической эпистемологии профессор Мелкевик посвящает свою очередную книгу «Юридическая эпистемология и уже-право»,⁶ где он предостерегает юристов от опасности веры в возможность отыскать вечную и неизменную сущность права, от этих философско-правовых «песен сирен, зачаровывающих и прекрасных, но ведущих к нашему моральному и интеллектуальному кораблекрушению» (р. 13). «Уже-право» представляет собой символ новой эпохи, пришедшей в философии права на смену модерну и несущей с собой веру в силу образов, слов, ценностей,

---

⁴ Мелкевик Б. Говорите на языке «нового нарратива о праве»... С. 56.

⁵ Мелкевик Б. Понятие права и современная философская рефлексия // Право Украины. 2013. № 4. С. 228–236.

⁶ Буквальный перевод введенного Б. Мелкевиком термина «Déjà-Droit», указывающего на идею об априорной сущности права, «об объективности права как если бы оно уже существовало, уже было сделано, уже готово, уже сформировано как объект, уже задано в теории, парадигме, системе» (р. 8).

способных служить для постижения универсальных характеристик права. Человеческий разум в эпоху постмодерна освобождается от тяжелого долга критической проверки своих исходных постулатов. Если объективных критериев истины нет, то истинным, а значит, правильным, может быть признано все, что воспринимается людьми как самоочевидное.

В праве западных обществ в качестве такого аксиоматического элемента правовой онтологии выступает властное принуждение (не обязательно государства), которое легитимируется в рамках различных дискурсов (о порядке, о справедливости, о свободе...). Ошибкой философов права, по мнению проф. Мелкевика, является то, что они воспринимают эти дискурсы как самодовлеющие и пытаются объяснить право на основе абстракций, положенных в основу данных дискурсов. Эти абстракции воспринимаются как если бы они «магически присутствовали в объективном мире и были бы готовы к тому, чтобы их собрали теоретики» (р. 13). Это приводит к скрытой легитимации власти: вера людей в постулаты правового дискурса («нарратива о праве») основана на восприятии организованной власти в качестве неперменной данности («право охраняет свободу человека», «право гарантирует порядок и безопасность... поэтому без права и без власти не может быть свободы, порядка...»); сама власть косвенно обосновывается данными постулатами; в свою очередь, такое обоснование укрепляет веру людей в аксиомы «нарратива о праве» и вместе с тем в справедливость и разумность властного порядка (любого или какого-то конкретного — это уже вторичный вопрос), без которых человеческая свобода якобы не может существовать. Все это ведет к дегуманизации права, к утрате «человеческого» измерения права и, в конечном счете, к дальнейшему порабощению человека властью. Здесь, как считает проф. Мелкевик, скрыта одна из главных опасностей для демократии.

Чтобы разоблачить ошибочность этого «нового нарратива о праве», в первой главе «Немного расчистки в сфере юридической эпистемологии» (р. 15–46) автор выдвигает и пытается доказать несколько тезисов: (1) право не существует как объективная данность; (2) факты не позволяют судить о том, что есть право; (3) в этом мире нашему разуму не задано никакое уже-право; (4) иррационально и нелогично верить в то, что, «рассеивая понятия, мы пожинаем право» (р. 16).

Первый тезис Мелкевик обосновывает (р. 17–24) в типично скандинавском реалистически-правовом стиле Оливекроны или Хэгерстрема: нет такого материального объекта, как право, поэтому ссылки на «право» не имеют в окружающей действительности никакого реального референта. Редуцирование права к реальному жизненному опыту человека позволяет сделать неожиданный для теоретика права вывод: право не есть что-то фиксированное или однозначное — «право относится к сфере возможного, его образ быстро затуманивается, если мы теряем наше чувство реальности и юридичности» (р. 24).

Применительно ко второму тезису (р. 24–32) речь идет о критике Б. Мелкевиком того «идеологического прыжка из фактических данных в право» (р. 24), что любят делать рассуждающие о праве социальные философы. Этот интеллектуальный «прыжок» становится возможным благодаря силе трех «стратегий»: переименование неких фактов (обычая, ритуала и проч.) в «право»; постулирование «права» как предмета научного исследования; развитие верований людей в то, что право объективно существует (р. 27–29). Профессор Мелкевик заключает: «Речь идет об интеллектуальном мошенничестве, при котором нас заставляют верить в то, что мы можем назвать “правом” нечто фактическое, для того чтобы это нечто считать правом с точки зрения идеологии» (р. 32).

В-третьих, автор пытается опровергнуть идеологию «уже-права» (р. 32–38). Б. Мелкевик уверен, что «право констатируется на практике и постфактум — в судебной практике, которая пишется применительно к каждому отдельному делу» (р. 33), «право создается на практике и поэтому... есть только действительность по толкованию и аргументации, которая худо-бедно выполняется адвокатами и судьями» (р. 37–38). Поэтому право до практики существовать не может по определению, а выдумывание юристами абстрактного «уже-права» объясняется идеологической установкой создать видимость определенности и стабильности права через зеркальное отражение практики: «уже-право» аккумулирует опыт решения юридических конфликтов и гипостазируется в нечто, предшествующее и независимое по отношению к практике.

В-четвертых, канадский мыслитель выступает с критикой выведения реальности права из постулируемой юристами реальности используемых ими понятий (р. 38–45). Если принимать в качестве объективно существующих те сущности, к которым отсылают понятия нашего юридического языка (например, субъективные права, компетенции, обязанности, нормы), появляется соблазн заявить, что и обобщающий по отношению к этим понятиям термин «право» также обладает объективной реальностью. Но имеют ли такие сущности место на самом деле? Профессор Мелкевик уверен, что сами по себе понятия бытием не обладают, и, следовательно, не обладает реальностью и «уже-право», конструируемое как термин, обобщающий «посеянные и собранные» юристами понятия. При этом автор акцентирует внимание читателей на идеологической подоплеке «данной алхимии, с помощью которой некое до этого чисто юридическое понятие начинает жить своей жизнью в качестве собственно идеологического понятия» (р. 39).

Заявив в ракурсе своего третьего тезиса, что право сводится к практической деятельности судей по разрешению конфликтов, т. е. что право есть исключительно судебское право, автор затронул одну из основных методологических проблем американского правового реализма, сторонники которого, как известно, утверждали, что право — это то, что о праве говорят судьи. Чувствуя неоднозначность такого подхода, в следующей главе своего исследования «Туманное небо уже-права: эпистемологическая критика» (р. 47–85) проф. Мелкевик уточняет свое понимание права. Он выдвигает четыре аргумента: право является результатом честного и справедливого процесса; тексты права для юриста — это только материал для работы, но не источник знания об абстрактном уже-праве; юристу следует овладеть текстами, но не воспринимать их как объективную реальность права; право осуществляется только через практику, и никакая чистая теория не способна раскрыть право.

Автор подчеркивает, что право устанавливается в каждом конкретном деле. Результат некоего процесса является правом, если в качестве такового его воспринимают и признают стороны процесса. Для определения юридического характера некоего процесса или факта проф. Мелкевик обращается к категории «признания», которая была ключевым элементом для установления права в концепциях Г. Д. Гурвича, Г. Л. А. Харта и ряда других ведущих мыслителей XX в.: «Именно признание в конечном итоге призвано гарантировать, что онтологически здесь имеет место право» (р. 55). Но речь идет не о любом признании, а о признании «адекватном»: «Тот, кто способен на *адекватное* признание, может с уверенностью гарантировать, что произносимые им слова являются правом» (Ibid.; курсив мой. — М. А.). Именно люди, их чувства, верования, убеждения в том, что некая процедура является честной и справедливой, создают право.

При этом канадский мыслитель еще раз подчеркивает, что правовой характер действиям, процессам, словам придают не некие тексты — наоборот, те или иные тексты, связанные с определенными убеждениями и чувствами людей, получают правовой характер именно по причине наличия такой связи. До акта связывания, который имеет место в процессе межличностной коммуникации (в этом смысле такое связывание не является сугубо субъективным) применительно к спорным ситуациям и действиям по разрешению конфликтов (как к конкретным, так и к предвосхищаемым), права нет. Опосредующие такие действия тексты являются лишь подсобными орудиями, которые могут получить квалификацию правовых со стороны заинтересованных лиц при наличии названной связи. Отсюда следует радикальный вывод: любой текст (например, закона или прецедентного решения) не может обрести юридический характер, оставаясь абстрагированным от конкретных ситуаций. До применения на практике тексты — это всего лишь «притчи о том, что было сказано... поскольку наши нарративы об окружающем мире не обнаруживают в себе ничего, кроме нашей субъективности» (р. 93). Текст становится юридическим ситуативно, применительно к отдельным процессам; более того, вполне возможно, что один и тот же текст в одной ситуации будет правовым, а в другом — такой квалификации не получит.

Такая вера в априорно-правовой характер законов и других текстов обличается проф. Мелкевиком как вера в мифическое уже-право. Эта вера укладывается в классическую научную парадигму, которая конструирует процесс познания как описание объекта, независимого от познающего субъекта. Именно в качестве такого объекта уже-право предстает в классических схемах европейской юриспруденции, которая сосредоточена на истолковании права как чего-то универсального и объективно заданного. Но в рамках постклассической научной парадигмы, где субъект и объект познания находятся в диалектической взаимосвязи и взаимно определяют друг друга, право не может рассматриваться как объективная сущность, априорно заданная познающему субъекту и независимая от него.

Вывод из таких рассуждений кажется весьма неутешительным для теории права: у нее нет собственного предмета исследования, т. е. права, которое можно было бы воспринимать как «объект» в смысле классической науки. Для проф. Мелкевика любое абстрактное право (т. е. право, абстрагированное от конкретных жизненных ситуаций) — это двойное зеркало юриспруденции, мистическое уже-право. Означает ли это, что теория права как ложное сознание правоведов не имеет смысла существования? Позиция автора в этом отношении несколько двусмысленна. С одной стороны, он призывает теорию «отказаться от разговоров о праве» (р. 80) и «установить здоровое отношение между теорией и практикой, где только практика может дать ответ на вопрос о праве в современном обществе» (р. 81), с другой — канадский исследователь все же признает полезность теории права как учебной дисциплины и как критической философии, разоблачающей претензии философов права на открытие уже-права (*ibid.*).

В третьей главе «Замечание о понятии обязывающей силы и о праве» (р. 87–113) своего исследования проф. Мелкевик пытается ответить на вопрос, как при таком «ситуативном» и психологическом понимании права можно объяснить его обязывающую (юридическую) силу. Прежде всего, автор отмежевывается от психологизма, настаивая на том, что психологизм является одной из традиционных философско-правовых схем, направленных на открытие и установление уже-права (р. 89 ff.). В противовес психологическим концепциям права (так, как их понимает сам Б. Мелкевик) автор утверждает об иррациональности атрибуирования некоему

понятию определенных сущностных свойств — например, атрибуирование психологического содержания юридическим понятиям (р. 92). Для проф. Мелкевика право открывается не в субъективной реальности (эмоциях, чувствах, представлениях и т. п.) и не в объективной действительности (мире ценностей, юридических понятий и проч.) — оно существует только в интерсубъективной сфере коммуникации (р. 94).

В этой перспективе обязывающая сила права не может пониматься как эманация некоего высшего начала (воля божества, предписание основной нормы и проч.), равно как не может быть выведена из психологических переживаний субъекта. Согласно Б. Мелкевику, обязывающая сила — это «координатор дискурса... символический инструмент, служащий для оценки той ситуации, которая считается юридической, и для последующего обозначения связанного с этой ситуацией решения» (р. 96). В частном праве обязывающая сила является лишь «пунктом для оценки ситуации дуализма и взаимности» (р. 98), т. е. для установления взаимного признания участниками сделки взаимных обязательств и правомочий. В публичном праве юридическая сила актов также сопряжена с взаимностью участников коммуникации, что обнаруживается в демократической идее народной воли, творящей право. Метафора народной воли может быть понята как указание на то, что некоторые исходящие от властвующих органов акты выражают общее согласие людей по поводу того, что считается юридически обязывающим в обществе. С точки зрения автора, такие акты, воспринимаемые участниками правовой коммуникации как легитимные, могут рассматриваться как право. Здесь проф. Мелкевик, как кажется, не проводит различия между легальностью и легитимностью права. В международном праве в качестве источника обязывающей силы выступает *jus cogens*. Оно выражает императивные нормы и принципы, которые, с одной стороны, в своей юридической действительности не зависят от субъектов международного права, а с другой стороны, создаются именно в процессе взаимодействия этих субъектов и свидетельствуют об эффективности их коммуникации (р. 102–105). Если выразить в одной формуле эту роль обязывающей силы права как координатора дискурса, то в частном праве она выражает закон сторон сделки; в публичном — общий для всех закон; в международном — закон, общий для «международного мы» (р. 106). «Понятие обязывающей силы символизирует юридическую ответственность и ее спутника — воздаяние» (р. 112): в тех случаях, когда мы обязываемся нести ответственность за уклонение от обязательств, «наши взаимные обязательства усиливаются за счет символики обязывающей силы» (р. 111–112), которая подразумевает негативные последствия для нарушителей.

В книге Б. Мелкевика гармонично сочетаются идеи, почерпнутые мыслителем в западноевропейском философском и юридическом дискурсе (М. Фуко, Ю. Хабермас, Н. Луман, М. Ориу и др.) и концепциях англо-американских авторов (особенно школа критических правовых исследований). Наверное, нельзя сказать, что реалистическая (соединяющая в себе эпистемологический скептицизм скандинавских авторов и характерную для американских правоведов ориентацию на судоворение) по своему духу концепция Б. Мелкевика свободна от проблем и противоречий. В частности, отрицание самобытной реальности юридических понятий чем-то напоминает грубый материализм, свойственный марксистским авторам, в частности Е. Б. Пашуканису, по философии права которого Б. Мелкевик в свое время защищал диссертацию. Если весь юридический дискурс может быть переложен на язык рассказов о правовых ситуациях, то какой вид должна принять наука о праве? Литературной критики? Справедливо критикуя движение

нарративной юриспруденции за пренебрежение этой проблемой,⁷ автор в своей собственной концепции исходит из аналогичных посылок. Отрицая один вид нарратива, проф. Мелкевик незаметно вводит другой, состоящий из рассказа о «справедливом и честном» в юридическом опыте людей.

Вместе с тем занимаемая канадским правоведом позиция привлекает своей откровенностью — разговоры о праве как коммуникации, которые нередко сводятся к общим рассуждениям о социальном действии права,⁸ в концепции Б. Мелкевика обретают более конкретные очертания и доходят до предельных логических выводов. Если право может быть описано через категорию коммуникации (общения), то отказ от «культа абстрактных понятий» и фокусирование внимания на межличностном общении выглядит вполне оправданно, равно как и описание права через факты такого общения.

Другое дело, насколько такое описание укладывается в привычные рамки науки о праве. Критика Б. Мелкевиком посылок современной теоретической юриспруденции не лишена оснований и здравых аргументов, особенно в том, что касается циркулярности господствующих дискурсов о праве и беспочвенной надежды найти решение юридических и социальных проблем в нарративах о высших началах права. Здесь критика канадского мыслителя по общей направленности чем-то напоминает обличение в начале XX в. «кризиса современного правосознания» со стороны П. И. Новгородцева за увлечение абстрактными идеями и ценностями вопреки живому чувству реальности. Но, как и Новгородцев, Мелкевик не создает альтернативной методологической модели на смену критикуемому ими господствующему правосознанию — их критика позволяет увидеть слабости теоретических схем отдельных проявлений философско-правового идеализма, но не позволяет выйти за пределы идеализма как такового.⁹

Антонов Михаил Валерьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
юридического факультета НИУ «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург)

Antonov Mikhail Valerievich,
candidate of legal sciences, associate professor of the Department of History and
Theory of Law and State, Law Faculty of the National Research University "Higher
School of Economics" (St. Petersburg)

E-mail: mich.antonov@gmail.com
© Антонов М. В., 2014

---

⁷ Антонов М. В., Патрикеева Е. А. Критика нарративной юриспруденции в работах Бьярна Мелкевика // Правоведение. 2012. № 1. С. 33–36.

⁸ Ван Хук М. Право как коммуникация. СПб., 2012.

⁹ Здесь нужно иметь в виду различие между философским реализмом, концептуально противоположным идеализму, и правовым реализмом, который вполне совместим с элементами философского идеализма. Несмотря на сильные элементы правового реализма, проф. Мелкевик рассматривает «честность и справедливость» как основные характеристики права, описывая их именно как объективные (стоящие над субъективными представлениями) сущности, — при этом обсуждение этих аксиоматических начал правовой коммуникации через призму «интерсубъективности» позволяет решить проблему лишь терминологически, но не содержательно. Они не ограничены субъективным опытом, их место Б. Мелкевик находит в надындивидуальной сфере «коммуникации», сущность которой в описании канадского мыслителя аналогична «коллективному сознанию» Дюркгейма или «объективному духу» Гегеля.